

УДК 821.162.3

ББК 84(4Чеш)

449

Черна О.

Клара и одиннадцать бабушек / Ольга Черна. – М.:

Albus Corvus, 2021. – 128 с.

© Baobab, 2020

Illustrations © Alžběta Skálová, 2015

© Перевод с чешского Полины Козеренко, 2021

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

Клара возвращалась из школы. Точнее, не из школы, а с урока фортепиано. Точнее, не совсем с урока... сегодня она не играла. Учительница, пани Тихая, сказала, чтобы с ТАКИМИ руками она шла домой, – дело в том, что утром Клара забыла взять перчатки и у нее ужасно замерзли руки, хотя она и держала их в карманах. Рядом с парком она заметила огромную кучу пепла и на минутку засунула в нее руки. От пепла шло такое приятное тепло! В самой глубине он наверняка был раскаленным – как Земля внутри, – но так далеко Клара руки не засовывала, а только подумала об этом. И когда она об этом думала, ее рукам становилось еще приятнее и еще теплее. Но учительница заметила лишь то, что ее руки изгвазданы пеплом. И что ТАКИМИ руками она перепачкает все клавиши.

Это Клара понимала: если клавиши станут серыми вместо белых и черных, все в них запутаются и не смогут играть. Поэтому она не стала спорить и пошла домой, зная, что Томаш не рассердится. Он даст ей свое мыло, которое отмывает всё-всё-всё. Даже сажу, которой Томаш пачкается на работе. Потому что Томаш – трубочист. Каждый вечер ему приходится тщательно мыться, чтобы не выглядеть, как ашанти. Когда Клара рассказывала об этом подружкам, ей пришлось

объяснять, что ашанти – это такие чернокожие люди. Наичернейшие из черных. Когда Клара хорошенько ототрет руки, а Томаш отмоеся с головы до пят и сварит суп, тогда, может, они вместе поиграют. У Томаша есть гармошка, и, когда ему очень весело или, наоборот, очень грустно, он может играть целый вечер – пока не придет пани Хрткова с первого этажа и не начнет колотить в дверь со словами, что ей все это надоело и что в его-то возрасте пора уже и образумиться.

Томаш – это Кларин дедушка. Но он не хотел, чтобы она его так называла. И Кларе это нравилось, потому что говорить подружкам, что она живет «с Томашем», было куда лучше, чем «с дедушкой». Она возвращалась домой по бордюру тротуара, широко расставив грязные руки. Ноги немного скользили – бордюр же замерз, – но это была тренировка, чтобы однажды пойти с Томашем на крышу. Она ступала аккуратно, шаг за шагом, и у нее неплохо получалось. Клара предвкушала теплую печку и суп, и то, как они с Томашем будут болтать и играть, и как потом она залезет в постель, закутается в одеяло по подбородок и станет наблюдать, как за печными дверцами горит огонь, а за окном холодным светом сияют звезды...

А еще она ждала снов, которые ей приснятся и которые она утром расскажет Томашу.

У дома толпился народ и стояла «скорая помощь». Клара подумала, что это приехали за пани Хртковой и что наконец-то ее хватил удар. Томаш всегда говорил, что он ее хватит, потому что пани Хрткова такая сердитая. Однако подойдя ближе, она увидела, что соседка стоит рядом со «скорой» здоровехонька, на земле лежит кто-то в черном и двое мужчин в белом кладут его на носилки. Она подбежала к ним. – Не ходи сюда, Кларочка, и не смотри! – закричала пани Хрткова и схватила ее за рукав, но Клара вырвалась и протиснулась к носилкам. Там лежал Томаш, его голова была в крови, а левая нога странно скрючена.

– Беги домой, девочка, – сказал один из этих в белом. – Не на что тебе тут смотреть.

– Это же мой дедушка! – не сдавалась Клара. – Что с ним?

– Он упал с крыши, – отозвался второй в белом.

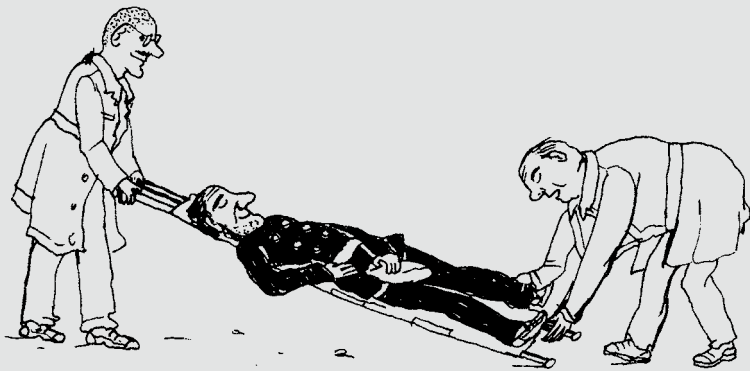
– Не бойся, все будет хорошо. Но сейчас ему нужно в больницу.

– Я тоже поеду, – заявила Клара.

– Увы, тебе туда нельзя, – ответил первый. – Беги домой к маме, мы вернем тебе дедушку, когда он поправится.

– У меня нет мамы, – сказала Клара.

– Ну тогда к бабушке, – отрезал второй в белом.

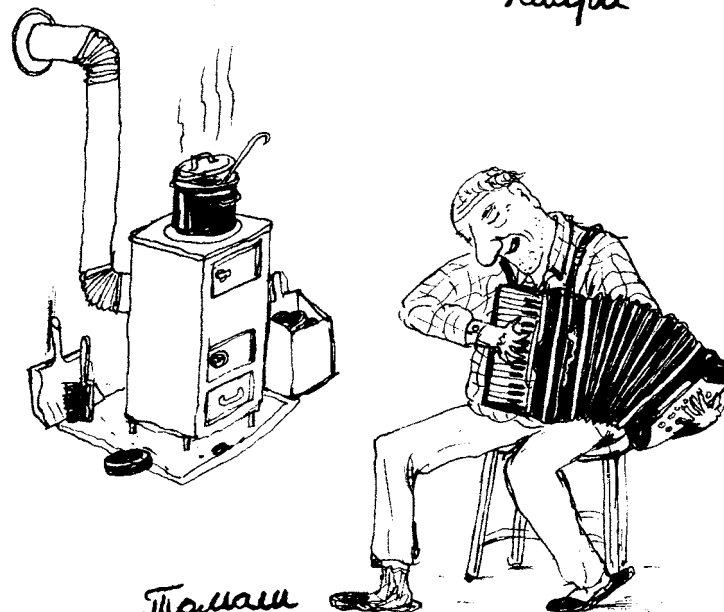

Они погрузили Томаша в машину, закрыли дверцы, включили сирену и уехали. Клара смотрела им вслед, на красные капельки крови на грязном снегу и не понимала, что теперь делать. — Бедняжка, — раздался голос пани Хртковой. — Пойдем ко мне, я заварю тебе чаю, и можешь остаться у меня на ночь... не ночевать же тебе дома одной... пойдем, ты вся дрожишь...

И Клара пошла. Что ей оставалось делать.

Клара

Томаш

Дорогая Кларушка!

Пишу тебе из больницы. Точнее, пишет одна добрая медсестра, а я ей диктую, потому что сам писать не могу. Я должен все время лежать и много спать.

Мне жаль, что меня забрали, я очень скучаю. Я переживал, как ты будешь готовить еду и носить из подвала уголь для печки, и не проспишь ли утром школу, но меня навестила пани Хрткова и сказала, что позаботится о тебе. Она еще много чего сказала, но, к счастью, я уже забыл. У меня все время болит голова. Довольно сильно.

Дорогая Кларушка, наверное, мне придется тут еще полежать, пока я совсем не поправлюсь, но я точно поправлюсь, и все будет как прежде. Тебе надо немножко потерпеть пани Хрткову. Скажи ей, чтобы она не заставляла тебя есть гороховую кашу, которую ты не любишь, и разрешала ходить наверх играть на пианино.

Кларушка, пиши мне, пожалуйста! Твои письма мне прочтет сестричка. Я очень по тебе скучаю, а если ты будешь писать, то мне будет казаться, что ты рядом. Но вообще лучше бы тебя здесь не было, потому что тут скучно и воняет дезинфекцией. Но письмам это не помешает. Я их положу рядом с кроватью и буду хотя бы смотреть на них.

Я тебе тоже буду писать.

Целую, Томаш

Привет, Томаш!

Пани Хрткова сварила гороховую кашу уже на третий день, а когда я отказалась ее есть, она заявила, что это БЕЛКИ и, если я не буду есть белки, стану слабой и тоже попаду в больницу. Ну а я ей сказала, что тогда была бы с тобой, а она мне — чтобы я не грубила. Тогда я пошла наверх играть. Там было ужасно холодно, но я все равно играла — в основном те песенки, которые ты тоже умеешь. И еще немножко гаммы, чтобы учительница не ругалась. Когда я вернулась, гороховая каша все еще стояла на столе, совершенно холодная и противная. Я попросила у пани Хртковой молока или какао, ведь там тоже есть белки, а к тому же витамины и много-много энергии, но пани Хрткова смотрела телевизор и назвала меня неблагодарной грубиянкой и сказала, что тогда я пойду спать без ужина. Ну я и пошла.

Выздоровливай поскорее!

Твоя Клара

ХРТКА

Привет, Томаш!

Я была на занятии, и учительница, пани Тихая, дала мне новые ноты — я могла бы выступить на концерте в честь первого дня весны. Если буду заниматься. Я спросила у пани Хртковой, можно ли немножко натопить наверху, чтобы у меня не мерзли руки, когда я играю. Там такой мороз, что пальцы цепенеют. Пани Хрткова сказала, что если я натаскаю угля, то, так и быть, натопит. Я принесла из подвала ТРИ ВЕДРА угля, но пани Хрткова все твердила, что у нее нет времени, потому что она наводит порядок в серванте, а когда потом у нее время появилось, к ней зашла в гости пани Соуградова и они сели пить кофе с пирожными и обсуждать, что вчера было по телевизору, а еще пани Трчкову, как та похожа на бочонок в этом своем новом пальто. Они угостили меня кусочком пирожного, почти половинкой,

Клара носит уголь

вкуснятина! Только был уже вечер, и пани Хрткова сказала, что никакого фортепиано и пора спать, а фортепиано завтра. Но завтра пришла пани Трчкова, и пани Хрткова расхваливала ее пальто. Они сели пить кофе и обсуждать пани Соуградову, как ей ужасно не идет новый рыжий цвет волос. И мне опять перепала половинка пирожного. Я спросила, есть ли в нем белок, а пани Хрткова рассердилась — почему, непонятно.

Поправляйся скорее!

Твоя Клара

Пани Трчкова

Привет, Томаш!

Пани Хрткова так и не натопила, но у меня и времени-то нет играть. Стоит мне вернуться из школы, как она тут же посылает меня в подвал за углем и вынести мусор, заставляет мыть всю посуду, а потом всегда еще что-нибудь придумывает: например, натереть до блеска бокалы или стереть пыль со шкафов, с самого верха. Я, мол, еще молодая. Она даже сказала пани Соуградовой, что раз уж я сижу у нее на шее, то должна хотя бы отрабатывать... Такая жадина эта Хртка! Представь себе: когда я хочу намазать масло на кусок хлеба, она следит, чтобы я мазала меньшую сторону! А если вдруг она угостит меня яблоком, то потом ворчит, что я оставляю слишком большие огрызки!

Она все время на что-то сердится.

Мне очень грустно, но я выдержу. Я представляю себе, как мы хорошенько натопим печь и сварим горячий шоколад, когда ты поправишься. Со взбитыми сливками. Поправляйся побыстрее, ладно?

Целую, твоя Клара

14 января

Дорогая Кларушка!

Мне уже очень хочется домой, но увы. Я не могу ходить, у меня кружится голова, и врачам постоянно что-то у меня не нравится. Они были бы счастливы, если бы я только и делал, что спал. Похоже, все это затянется надолго.

Представляешь, я забываю песни! Вспоминал «Локон твоих волос», но на словах «когда луна осветит небосвод» я все время сбивался и не понимал, в чем дело. Пока добрая сестричка мне не помогла.

Кларушка, тебе нельзя больше оставаться у пани Хртковой! Она же тебя совсем со свету живнет! Собери вещи, главное — те, что нужны для школы, и возьми хорошие ботинки, не забудь шапку, перчатки и праздничное платье — то длинное синее. Вот адрес Евы, она очень добрая и наверняка меня вспомнит и позаботится о тебе, пока я не вернусь. У нее небольшой пивной ресторанчик, называется «У черной кошки», она отлично готовит, и когда-то у нее было пианино. Ты ей все подробно объясни и скажи, что Томаш просит тебе помочь.

Напиши мне потом, как все пройдет!

Волнуюсь за тебя.

Целую, Томаш

Привет, Томаш!

Ева передает тебе огромный привет и говорит, что ты можешь не беспокоиться, она все устроит. Она сразу накормила меня невероятно вкусным гуляшом и одолжила футболку, потому что я забыла свою пижаму у пани Хртковой, а возвращаться туда не хочу. Футболка очень приятно пахнет, как и вся Ева. Я тебе потом еще напишу, сейчас ужасно хочется спать.

Твоя Клара

Ева

Привет, Томаш!

Нам с Евой хорошо. Меня уже накормили мясом с подливкой, курицей в соусе и отбивной с салатом, и Ева говорит, что научит меня готовить, потому что тебе по возвращении нужно будет хорошо питаться и не есть больше эту больничную БУРДУ, как сейчас, или гренки с чесноком, супы из пакетиков, сосиски и кнедлики в яйце, как раньше. Ну не знаю, по-моему, мясо готовить ужасно сложно, и это я пока только чистила морковь для подливки! Ева говорит, что ты пролежишь в больнице еще долго, так что я и говяжьих рулетики осилю, но мне бы хотелось, чтобы ты поскорее вернулся. Я бы носила тебе домой от Евы всякую вкуснятину в кастрюльках, и заодно училась бы готовить.

Я спрашивала Еву, почему ее трактир называется «У черной кошки», если у нее нет ни одной кошки, но ее это страшно расстроило, так что я не стала дальше расспрашивать. Может, ее кошка сбежала? Когда я возвращаюсь из школы, всегда смотрю по сторонам — вдруг найду? Но пока — увы. Так что я просто помогаю Еве на кухне, а она учит меня разным песенкам: про девушку, которая все время где-то путешествовала, или про влюбленного короля, или про старый замок... а Карел, Евин парень, если не едет куда-нибудь на грузовике, учит меня петь «Головорез Мекимеср». Это песня про одного преступника, ее нужно петь зловещим

шепотом и вращать глазами. Я все это наигрываю на пианино, а потом в трактир приходят разные люди и спрашивают, знаю ли я еще «Как Бабетта шла по свету», или «Йестердей», или «Слезы матери»... Я попробовала сыграть им Анну Магдалену Бах, ну то, что мне нужно выучить к концерту, но все начали зевать. Вообще-то мне тоже интереснее наблюдать, как они танцуют под «Бабетту». «Слезы матери» мне не очень нравятся, не люблю смотреть, как взрослые хнычут. Я же не хнычу.

А отбивные у меня уже неплохо получаются. Вдруг тебя захотят отпустить домой.

С приветом, Клара

Анна Магдалена Бах

Милая Кларушка!

Кажется, Ева успеет еще многому тебя научить, и готовить, и петь. Врачи говорят, мне еще будут делать какие-то операции, только нужно подождать, не знаю почему. Так что держи за меня кулачки, чтобы все это не растянулось на целую вечность, и будь такой же молодчиной.

Я рад, что Ева о тебе заботится и что тебе у нее хорошо. А насчет готовки ты не беспокойся. Мясо с подливкой я все равно особо не ем и вообще не понимаю, что плохого в сосисках. Но вот отбивные — это да, это хорошо, если получится, особенно в воскресенье на обед. Ты, главное, скажи Еве, чтобы она научила тебя песне «Красная река», ее я умею на гармошке, мы потом сможем играть вместе, а Ева будет танцевать. Ну, например, с этим Карелом, если он не будет куда-нибудь мчать в ночи на своем грузовике... или на чем он там ездит.

«Йестердей» я тоже умею, только пишется Yesterday, это по-английски «вчера» — вас в школе не учили? Еще запомни, что tomorrow значит «завтра». Песня «Tomorrow» тоже наверняка существует, а если нет, то ты могла бы попробовать ее сочинить. Только веселую! Потому что «Yesterday» веселой не назовешь: Пол в ней рассказывает, что только в своих воспоминаниях он настоящий, а не такой половинчатый, как сейчас.

Надеюсь, у тебя все получится. Поцелуй от меня Еву, но только чтоб Карел не видел. Ага, вот еще что: Мекимеср пишется Mackie Messer, по крайней мере, мне так кажется. А messer значит «нож».

Томаш

17 февраля

Привет, Томаш!

Случилось нечто ужасное. Наша училка по физре, ну эта, по фамилии Косоглазова, отправилась вечером, как всегда, на пробежку, но ей захотелось пить, и она зашла к нам. Ну в «Черную кошку». Ева ей предложила сначала пиво, его она не захотела, потом малиновую газировку, и ее она не захотела, потом колу, и от нее она тоже отказалась и начала уже злиться, не стала пить даже минералку, в итоге Ева налила ей просто воды, только она ее тоже не выпила, потому что заметила за фортепиано меня. Я как раз разучивала «Меки Мессера» и тренировалась вращать глазами, поэтому не успела вовремя спрятаться. Я пила кока-колу — ее она мне, пожалуй, еще простила бы. Возможно, даже тарелку с котлетой и картошкой фри, которая стояла у меня на пианино, тоже. Но больше всего ее возмутило то, что рядом со мной была пепельница с сигаретой, хотя они вообще были не мои, а Евины! Ну и пиво тоже.

Она воскликнула: «Это вредно для ребенка! Вы портите ей здоровье!»

Ева сказала, что ее еда еще ни разу никому не навредила, а она готовит здесь уже тридцать лет, и ушла мыть пивные кружки, только училка все ходила за ней и твердила про ОЖИРЕНИЕ и ГИГИЕНУ, а Ева обиделась, и они стали друг

~~~~~

на друга кричать, и училка в конце концов сказала, что я должна выбрать: или она обратится в социальную службу и меня отправят в детский дом, пока ты не выздоровеешь, или я перееду к ней и она ПОСТАРАЕТСЯ исправить весь тот вред, который мне ПРИЧИНИЛА Ева. Тогда Ева расплакалась, я пошла ее поцеловать, чтобы успокоить, но она сказала, что лучше уж мне пойти с училкой, потому что если меня упекут в детский дом, то оттуда мне уже не выбраться.

Косоглазова придет за мной завтра.

И у меня вроде как начнется совсем новая жизнь, совершенно здоровая.

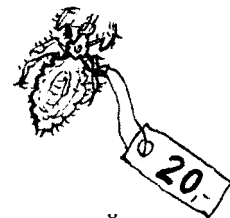
Я не хочу быть здоровой!

Но ты, пожалуйста, выздоравливай.

Твоя Клара

МЕКИМЕСР

Привет, Томаш!

Все идет к тому, что я буду совершенно здоровой, разве что подверну ногу или куплю у Яна вшей. У него всегда есть парочка в коробочке, и, если тебе неохота в школу, ты можешь за двадцать крон купить у него одну и поселить у себя в голове. Только мне это вряд ли поможет, Косоглазова острижет меня налысо, так что я буду не только здоровой, но еще и лысой.

Пока что у меня получается только закаляться. Мы с Косоглазовой встаем в шесть утра и идем бегать в парк. Поначалу бывает довольно зябко, но потом я привыкаю. А вчера я видела рассвет! Сегодня не видела, было много облаков. Но зато была белка. Дома меня ждут холодный душ, овсянка и свежесжатый сок, а потом мы бежим в школу. На обед Косоглазова приносит в судочках салаты и цельнозерновые рогалики, потому что ей так и не удалось заставить школьных поварих готовить что-то **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОЛЕЗНОЕ**. Вообще это странно, она же замдиректора, и самого директора держит в страхе. Он постоянно ходит к ней за советом, а если кто-нибудь на нее жалуется, ну, например, когда она выгоняет нас в мороз на спортплощадку и заставляет прыгать через козла даже тех детей,

которые на самом деле боятся, директор всегда отвечает, что ничего не может сделать, потому что это ее КОМПЕТЕНЦИЯ. Может, это все потому, что директор больше любит кнедлики, а не овощи, так что хотя бы в еде ему удастся оставаться при своем мнении.

Днем мы чаще всего ходим в бассейн или спортзал, а еще мне приходится таскаться с ней на гимнастику — по вторникам и четвергам. Слава богу, фортепиано с пани Тихой у меня по средам. На гимнастике я хуже всех — у меня не получается ни колесо, ни мостик, ни шпагат, но мне ВСЕ РАВНО. Самое ужасное, что Косоглазова постоянно затягивает мне волосы в хвост так сильно, что прямо брови на лоб лезут, и я даже моргнуть нормально не могу. Особенно больно за ушами.

А еще я похудела, что даже неплохо. У Евы я растолстела, и на мне еле застегивалось то нарядное синее платье, в котором я собираюсь выступить на концерте. Не знаю, как это все будет. Пока я могу заниматься в школьной столовой, хотя Косоглазова и говорит, что это вредно для спины, потому что я сутулюсь, когда играю. И что, наверное, меня нужно отправить на лечебную физкультуру. А еще ей не нравится «Yesterday» (я уже научилась это писать), она говорит, что это чересчур СЕНТИМЕНТАЛЬНО. Я ее спросила, что такое

«сентиментально», а она ответила, что это для таких людей, у которых нет силы воли. Ну не знаю. Как ты думаешь, нет у меня силы воли? Мне-то «Yesterday» нравится. И пани Тихой тоже, она даже сказала, что я могу ее сыграть на концерте, если не запнусь ни на одной шестнадцатой в Анне Магдалене.

Целую, Клара

P. S. Концерт уже через четырнадцать дней! Ты, наверное, не придешь?

Я вот думала: ты писал, что Пол там такой половинчатый, а я все не могла взять в толк, как это. А теперь поняла: если я сыграю эту песню, а ты ее не услышишь, то я тоже буду себя странно чувствовать... ну как будто во мне кусочка не хватает.

Дорогая Кларочка!

У тебя отличная сила воли, я же тебя знаю! Хотя лучше, если бы она тебе сейчас не понадобилась. На концерт я очень хочу, но пока это невозможно. Я буду держать за тебя кулачки, а когда вернусь домой, ты сыграешь «Yesterday» и Анну Магдалену, только для меня, ладно? Обещаю, что потом мы сведим что-нибудь очень вредное... как думаешь, гренки подойдут? А если мы положим на них сало и шкварки?

Сентиментальными люди бывают, когда им грустно, но одновременно и приятно. Я бываю сентиментальным, например, когда вспоминаю, как мы с тобой бросали с моста веточки и ждали, когда они выплывут с другой стороны. Очень хочется снова поиграть! Когда я, наконец, выплыву из этой белой кровати и из больницы, а на улице будет уже так тепло, что можно будет ходить босиком и в майке.

Но порой мне становится настолько грустно, что глаза закрываются сами собой и не хочется даже шевелиться. Огромного труда стоит просто протянуть руку за чашкой чая.

Вошь не покупай. Купи себе лучше какую-нибудь газировку.

Целую, Томаш

Привет, Томаш!

Слушай, я понимаю, что ты болеешь, и устал, и тебе грустно, но напиши, что мне делать! Косоглазова сказала, что никакого мне концерта и что вместо концерта я в субботу вместе с ее гимнастками поеду на соревнования. В Голчув-Еников. Я ответила, что не собираюсь ни в какой Голчув и тем более в Еников или Пепиков, а она сказала, что я неисправима и что нужно было меня сразу отправить в детский дом. И что все равно из меня НИКОГДА НИЧЕГО не получится, потому что я нахалка, а к тому же лентяйка и тупая, как полено. Я думала сбежать к Еве, но там она бы меня нашла и отправила в детский дом. В результате у меня поднялась температура, и я лежу в кровати. Я и не подозревала, что так умею. Ну вот оказалось, что умею, если очень нужно. Но долго я так не выдержу.

Твоя Клара, 38,6 °С

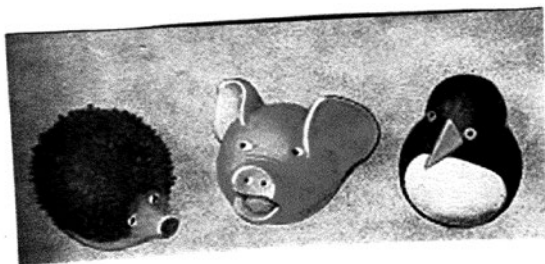
Привет, Кларушка!

Я за тебя волнуюсь.

Постарайся, пожалуйста, сбить температуру хотя бы до 37... Я написал Гедвике, Алене, Мэри и Даше, чтобы они пришли в субботу на концерт. Им наверняка понравится, как ты играешь, а еще они принесут тебе шоколадку ну или просто что-нибудь вкусненькое, что тебе эта твоя физкультурница запрещает. Было бы чудесно, если бы после концерта они отвели тебя в кондитерскую. Скажи им, что тебе там можно съесть все, что захочешь. Что это я попросил.

Конечно, я бы лучше сам с тобой туда сходил. Но пока я похож на мумию: весь в гипсе и сентиментальный. Девчонки тебе помогут, не бойся. Они добрые, как-нибудь я тебе о них расскажу. Думаю о тебе и о твоём концерте, держу кулачки. Очень-очень крепко.

Томаш

Можешь съесть даже марципан!

СУББОТА - 21.3.

Дорогой Томаш, загипсованный ты мой! Вот что я сделала: в пятницу вечером объявила Косоглазовой, что мне лучше. А в субботу утром сказала, что чувствую себя ужасно, но мне ничего не нужно, только сок и рогалик, так что пусть спокойно едет в этот свой Пепиков (разумеется, я сказала ЕНИКОВ) и пусть эти ее художвостатоглазоналобные гимнастки все выиграют, а я пока посплю, чтобы в понедельник быть ЗДОРОВОЙ и пойти в школу. Ну она и поехала. Я же вылезла из кровати, погладила платье и съела полкоробки конфет, которые ей подарила мама Ярушки, а она забыла выбросить. У Ярушки с гимнастикой еще хуже, чем у меня, потому что она толстая, а ее мама подумала, что, если подарит учительнице коробку конфет, у дочки не будет двоек по физкультуре. Но она явно просчиталась. У бедной Ярушки теперь не только двойки, ей приходится выслушивать нотации вроде «неудивительно, что ты так выглядишь, с таким-то питанием». Но мне эти конфеты очень помогли. А платье село как

ВЕСНА!

надо, только я его порвала, когда лезла в окно, потому что Косоглазова меня тут заперла, но порвала, правда, совсем чуть-чуть. На концерт я явилась в последнюю минуту, уже отыграли все младшие классы, которые знают только «Во саду ли, в огороде» и «Этюды для начинающих». Но я успела и сыграла хорошо, без запинки, и все мне хлопали, а больше всех четыре пожилые дамы в первом ряду. Одна даже свистела и притопывала. Пани Тихая строила ей недовольное лицо — но не мне. Мне она улыбнулась и показала «супер».

После концерта я ждала твоих девочек, думала, что они сидели где-то сзади, но ко мне подошли эти четыре пожилые дамы и тут же стали спорить, чем я похожа на тебя: глазами, волосами или носом... ну и до меня, наконец, дошло, что это их ты прислал, поэтому я спросила, не пора ли нам уже в кондитерскую. Я проголодалась и устала, все-таки после болезни. Ну мы и пошли. Нам пришлось сдвинуть два столика — они там были какие-то совсем лилипутские. Я взяла огромную чашку горячего шоколада со взбитыми сливками, и мороженое, и кусок торта с марципановыми цветочками. Гедвика заказала капучино и пирожное с заварным кремом — с этим проблем не было. Мэри захотела вафлю и грог — с этим тоже, в общем, не возникло никаких сложностей. Даша — эспрессо

без сахара и молока и какой-то особый ЛАЙТ-лимонад, вот тут официантка уже немного нахмурилась. Но хуже всего было с Аленой. Она потребовала органический кофе и штрудель на муке из полбы, а когда официантка заявила, что ничего подобного у них нет, Алена прочитала ей длинную лекцию об ответственности за планету и попросила простой воды из-под крана. Воду ей официантка принесла, но выглядела при этом очень недовольной. Так что я решила больше ничего не брать, хотя спокойно съела бы еще одно мороженое. Ну или пирожное.

В общем, когда нам наконец-то принесли все, что мы понаказывали, я пожаловалась на Косоглазову. Даша сказала, что это ужасно. Если каждый день бегать и тренироваться, у меня будут страшно МУСКУЛИСТЫЕ ноги и руки. И что она бы мне посоветовала растяжки и аэробику. Мэри сказала, что бег еще куда ни шло, но плохо, что все это происходит в городе или в спортзале, мне бы следовало заниматься этим на природе, чтобы ДЫШАТЬ СВЕЖИМ ВОЗДУХОМ. Алена заявила: то, что вытворяет Косоглазова, — это ограничение личной свободы и нарушение естественного развития ребенка, что это ТИПИЧНО для современного общества и она напишет об этом статью в газету. Гедвика заметила, что у меня порвано платье,

и предложила зашить. А еще сказала, что приготовит мне на ужин пончики со взбитыми сливками.

Потом мы все вместе отправились к Косоглазой. Она еще не вернулась из Еникова, и окно было приоткрыто. Мэри подставила мне спину, я залезла внутрь, собрала вещи и оставила на столе записку, которую за меня написала Алена: если Косоглазова еще хоть раз заикнется о детском доме, то получит на орехи. И что если понадобится, вопрос будет решаться в Страсбурге. Даша тем временем караулила на углу, не идет ли кто, курила и нервничала. Гедвика проверила мою сумку и заключила, что вещей у меня как-то маловато, но главное, чтобы я не забыла школьные принадлежности, а с платьем и обувью они что-нибудь придумают.

Спасибо тебе, Томаш, что прислал ко мне девчонок. Они очень добрые и передавали тебе привет. Я все время думаю, что ты там, в больнице, наверняка грустишь. Без своих подруг и без меня. Ну ладно, спокойной ночи, и пусть тебе приснится сон про меня, что-нибудь хорошее! Немножко пусть приснится и про Гедвику, у нее

дома чудесное постельное белье с облачками, но про меня пусть тебе приснится больше, ладно?

Твоя Клара

